

СИСТЕМА МУСУЛЬМАНСКИХ ШКОЛ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Первые школы, ориентированные на мусульманское население, на Южном Урале возникли ещё в начале XVIII в. В 1709 г. – в деревне Сундуково Бирского уезда, в 1713 – в деревне Четырманово Стерлитамакского уезда. В марте 1738 г. В. Н. Татищев и Л. Я. Соймонов приняли решение о создании в Уфе школы «для обучения иноверцев русскому языку», на содержание которой было назначено 300 руб. в год. Очевидно, предполагалось и крещение учеников, так как учредители школы рассчитывали, что ученики, «обучающиеся грамоте, познают закон христианский и законы гражданские». Однако в целях осторожности в определении о школе было специально оговорено, чтобы «тех учеников не брать силою и не принуждать и учителям с ними поступать ласково, и в толковании христианского закона поступать весьма осторожно». Следовательно, В. Н. Татищев достаточно осторожно пытался распространять православие, о массовой христианизации речь не шла¹¹⁴³.

В 40-е гг. XVIII в. в Уфе была открыта татарская словесная школа. Почти одновременно в 1745 г. татарская школа была открыта в Оренбурге. В 40-е гг. была открыта школа в Сеитовой слободе. Основным видом школ были мектеб (начальная школа) и медресе (школа повышенного типа). Девочки в мектебе и медресе не учились. Они ходили к жене муллы, которая обучала их правильному соблюдению религиозных обрядов. Грамоте их не учили¹¹⁴⁴.

В конце XVIII в. правительство в крае пошло по пути дальнейшего усиления позиций ислама в крае, так как по указу 1799 г. при мечетях предполагалось учреждение школ для казахских мальчиков. Финансировались они также из казны. Духовные лица при школах также получали жалование из казны¹¹⁴⁵. Так, имам получал 50 руб., муэдзин – 20 руб., мударис (учитель) – 60 руб., всего на содержание школы – 700 руб.¹¹⁴⁶. Ещё раньше по именному рескрипту Екатерины II к И.А. Игельстрому 28 февраля 1789 г. при мечети у Менового Двора г. Оренбурга была учреждена главная школа для казахских мальчиков, размещавшаяся в двух домах. Число по штату предполагалось – 64, но в дей-

¹¹⁴³ Очерки по истории Башкирской АССР/ Под ред. А.П. Смирнова. Т.1.- Уфа: Башкиргоиздат, 1956. С.287.

¹¹⁴⁴ Валидов Д. Очерк истории образованности и литературы волжских татар. Вып.1. – М.- Петроград, 1923. С.20.

¹¹⁴⁵ Аметан В.В. О некоторых аспектах политики царской России по отношению к исламу//Христианство и ислам на рубеже веков: Материалы Всероссийской научно – практической конференции. – Оренбург, 1998. С.137.

¹¹⁴⁶ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.11. Оп.1.Д.303. Л.303.

ствительности было гораздо меньше. На содержание учеников, имама, двух муэдзинов, муддариса отпускалось по 2007 руб. в год¹¹⁴⁷.

Следовательно, в XVIII в. в регионе правительство проводило довольно осторожную политику в сфере образования среди мусульман. На практике это было сочетание двух тенденций: с одной стороны включить нерусские народы в состав империи, с другой, не допустить противодействия с их стороны.

Реформы эпохи Александра I затронули и инородческое образование, которое должно было осуществляться через систему сельских приходских училищ с опорой на родной язык учеников и широкое использование в качестве учебного и дидактического материала переводов вероучительных книг. В представлении Св. Синода от 12 сентября 1804 г. четко сформулированы эти положения: «В селениях, обратившихся в православную веру греко-российского исповедания, как-то: корел, черемис, мордвы, вотяков, татар, чуваш и прочих, коих дети по-русски не разумеют, - учить священно-церковнослужителям в школах и в церквях наставление производить на их природном языке, дотоле, доколе все их прихожане от мала до велика разуместь будут совершенно российский язык, а для преподавания такового учения и можно будет употребить на первый случай назначенные Св. Синодом к изданию в печать книги на российском языке с переводом на упомянутые, содержащие в себе церковные молитвы, символ веры, десятисловие и катехизис; таковые книги для сих обращенных в веру греческого исповедания народов могут послужить к лучшему вразумлению их и понятию о богопочитании и истинном познании святости христианской веры. И для того в те села во все священнослужительские чины, открываться имеющие, производить или из семинарии тамошних уроженцев, знающих непременно употребляемый там язык, или и самих жителей, обучая последних первым действиям арифметики в семинарии».

Однако и светская, и церковная общественность продолжала видеть в школе единственное действенное средство религиозно-нравственного просвещения инородцев, что особенно ярко проявилось в поддержке и оценке Российского Библейского Общества (РБО). Хотя в 1826 г. его деятельность была прекращена, последствия его деятельности были очевидны: к 1823 г. РБО распространило на 41 языке более 700 тыс. экземпляров Библии и Евангелия. Среди них переводы, подготовленные по инициативе самого общества и изданные им на русском, калмыцком, карельском, монгольском, литовско-самогитском, турец-

¹¹⁴⁷ Чернаевский Н. Оренбургская епархия в прошлом и настоящем // Труды Оренбургской Ученой Архивной Комиссии. Вып. VII. – Оренбург, 1900. С. 127.

ком, армянском, татарском, татарско-турецком, черемисском, чувашском и мордовских языках¹¹⁴⁸.

В XIX в. в медресе и мектебах продолжала господствовать система, в которой главная задача состояла в чтении Корана и заучивании его сур, нередко без понимания прочитанного. Мектебы как уже упоминалось, являлись низшими мусульманскими школами, учреждавшимися при мечетях, на средства частных благотворителей или прихожан. Учителем в них был или имам мечети, или постороннее лицо. Уровень подготовки в медресах был очень низкий. Обучение в мектебах и медресе было бесплатным.

Заведующий вакуфом любого медресе назывался мутавалий. Он вел всю хозяйственную его часть, которая была совершенно независима от учебной. Последняя находилась в исключительном ведении мударриса (преподавателя). Порядок назначения мударрисов устанавливали лишь с 1891 г. О выборе мударриса местным обществом составлялся приговор, который вместе с заключением инспектора училищ препровождался к главному инспектору училищ края, от которого и зависело утверждение избранного лица в должности. Обучение в медресе продолжалось с октября по март.

Первый отдел курса – грамматический; учащиеся должны были овладеть арабским языком. Следующий курс распадался на два отдела – мушкилят (общеобразовательный) и масаля (юридический). В состав первого входили богословие, логика, диалектика, метафизика. Юридический курс слагался из изучения религиозного права. Затем в медресе знакомили с основами геометрии и географии и народной медицины. Ученики медресе подразделялись на три класса или разряда: младший – адна, средний – аусат, старший ала. Экзаменов при переходе в старший класс не существовало: окончив изучение известной книги и переходя к следующей, учащийся тем самым становился учеником высшего класса.

Определенных сроков для изучения назначенных для класса книг не существовало. Фактически пребывание в каждом из классов продолжалось от трех до четырех лет. Возраст учащихся колебался от 15 до 40 лет. Число обучающихся в одном медресе могло составлять от 5 – 10 до 300 и больше учеников. Такая организация обучения резко отличалась от существовавшей в Российской империи системы школьного и вузовского образования. Кроме того, в условиях отсутствия какого-либо контроля во многих медресах широко пропагандировались антирусский взгляды, идеи пантюркизма и панисламизма. В этой связи с 80 – 90-х гг. XIX в. губернские власти высказывались за подчинение мусульманских школ правительственному надзору.

¹¹⁴⁸ Киржаева В.П. Проекты просвещения нерусских народов Поволжья в контексте истории инородческого образования России XVIII – начала XIX вв. // Регионология. – 2004. - №2. С.295.

Наиболее радикальные меры предложил Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский. Он указывал: «.... основное – убеждение власти, что приведение его мер в действие не приведет к взрыву мусульманского экстремизма, а ослабит противодействие русской цивилизации со стороны магометанских учреждений». Основные предлагаемые им меры сводились к следующему: наблюдение за магометанскими школами поручить мировым посредникам и запретить открытие новых мусульманских школ без разрешения губернаторов; для поддержания и распространения русских школ учредить с магометан особый сбор при вступлении в брак по 30 руб. серебром с каждого и по 50 коп. за 2 метрические книги; обязательно использовать в мусульманских школах русский язык; коран преподавать на русском языке, а если это условие не выполняется закрывать такие школы.

Особо отмечались меры по борьбе с распространением ислама среди кочевников-киргизов: обучать киргизских детей в русских школах, на русском языке русскими священниками; вместо Корана учить молитвам; попечителями таких школ сделать знатных киргизов; снабжать такие школы соответствующими светскими книгами; следить за отсутствием в степных районах мусульманских фанатиков из числа среднеазиатских жителей; башкирским и татарским муллам запретить принимать у себя киргизов для обучения¹¹⁴⁹.

Однако в ответе Н.А. Крыжановскому министр внутренних дел П.А. Валуев в 1867 г. отмечал: «... предлагаемые Вами меры неминуемо должны возбудить противодействие духовенства, враждебного всякому нововведению, и оппозиция духовенства вынуждала не раз местную администрацию, из опасения волнения народа, вовсе отказаться от своих намерений по совершенствованию жизни мусульман».

И все же эти мероприятия были частично реализованы генерал-губернатором, через создание системы народных школ для мусульман. Такие одноклассные народные русско-башкирские, русско-татарские школы были открыты в Уфе, Оренбурге, Верхнеуральске¹¹⁵⁰. В рамках программы «просвещения инородцев» правительство пыталось ввести русские классы при мусульманских религиозных учебных заведениях. Однако правительственные мероприятия встретили сопротивление мусульманского духовенства и мусульманских обществ.

В этой ситуации правительство приняло решение о русификации, прежде всего мусульманских духовных лиц, поставив в 1890 г. одним из условий для замещения духовной должности в Оренбургском округе знание русского языка. Так, согласно письму Оренбургскому губернатору,

¹¹⁴⁹ Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XIX века. – СПб., 2008. С.254.

¹¹⁵⁰ ГАОО. Ф.5. Оп.1. Д.33. Л.2.